

Title	<ARTICLE>
Author(s)	,
Citation	Acta Slavica Iaponica, 14, 124-135
Issue Date	1996
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/8095
Type	bulletin (article)
File Information	KJ00000034064.pdf

[Instructions for use](#)

Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав

Юка Курата

Проблема формирования русской диаспоры в Японии в период между двумя мировыми войнами, когда эмиграция из России в Европу и Азию приняла массовый характер, не может быть рассмотрена на основе выработанного стандарта и принятой периодизации применительно к европейским странам. Здесь имела место своя специфика, связанная с историческими традициями Японии, ее особым географическим положением и ограниченными возможностями демографического характера, особенностями культуры и быта.

Поэтому для определения факторов, сыгравших определенную сдерживающую роль в процессе формирования сообщества эмигрантов-выходцев из России, а также затруднявших их адаптацию, правовую натурализацию и культурно-бытовое укоренение на японской земле, следует прежде всего осветить проблему динамики и характера переселений эмигрантов и беженцев из России в Японию между двумя мировыми войнами.

Для характеристики исторического фона, на котором происходили эти процессы, сначала следует кратко коснуться исторических традиций страны. В течение двухсот лет в Японии проводилась политика изоляции от внешнего мира с целью сохранения режима централизованного феодального государства во главе с сёгуном. Единственным внешним контактом была торговля с Голландией и Китаем, разрешенная японским правительством Бакуфу на маленьком южном острове Дэдзима (префектура Нагасаки). Внешняя политика серьезно изменилась в 1854 году, когда Япония под давлением США была вынуждена подписать договор, открывавший для американской торговли порты Хакодате и Симода.

Длительная политика самоизоляции сформировала в национальном сознании японского общества определенный психологический барьер относительно присутствия иностранцев в стране. Японские власти слабо поддерживали беженцев, эмигрантов из России — вообще “чужих”, считая, что они могут стать причиной нарушения порядка в стране, где 99% населения составляет мононация — японцы.

Как показывает нижеследующая таблица 1, до переворота 1917 года в России было учтено немногим более одной сотни русских, проживавших в Японии.

В результате окончательного поражения Колчаковской армии в Чите в начале 1920 года, резко увеличился приток российских беженцев из Сибири, что побудило японские власти ввести особую “Систему предъявления денег”, предоставлявшую беженцам и политэмигрантам из России право въезда в Японию (директива полицмейстера от 17 февраля 1920 г.).¹ До этого времени иностранцы, приезжавшие со стороны России в Японию, были обязаны предъявить, кроме законных паспортов, более 250 иен с души, чтобы получить разрешение на въезд в Японию.² Указанная сумма определялась стоимостью одного пассажирского билета в каюте третьего класса, который транзитные пассажиры-беженцы обычно покупали, направляясь в другие

Таблица 1. Динамика численности русских, проживавших в Японии в период 1910–1941 гг.)*(Данные на конец каждого года.)

Год	Русские в Японии	Год	Общее число Русские в Японии	Русские с российским подданством	Русские с советским гражданством
1910	120	1932	1537	1167	370
1911	127	1933	1479	1209	270
1912	102	1934	1457	1217	240
1913	105	1935	1529	1248	281
1914	107	1936	1562	1294	268
1915	150				
1916	263			Лица без гражданства в т. ч. русские с российским подданством	Русские с советским гражданством
1917	439				
1918	687				
1919	1102				
1920	1234				
1921	1051				
1922	834	1937	1546	1310	236
1923	566	1938	1465	1299	166
1924	818	1939	1501	1305	196
1925	1176	1940	1503	1247	256
1926	1364	1941	1178	1093	85
1927	1419				
1928	1473				
1929	1527				
1930	1666				
1931	1561				

*) В статистике не указано количество русских с японским паспортом. (По мнению автора, число таковых было совершенно незначительно.)

Таблица 1 составлена по материалам статотчетов МВД Японии (В сб. Наимусё Токэи Хококу, тт. 26–51. Токио, 1990–1991). В данных указана численность **всех русских, проживавших в Японии, включая беженцев.**

страны. Теперь беженцам из России, заявившим о намерении проживать в Японии (т. е. не транзитным пассажирам), предлагалось за въезд на японскую территорию предъявить более 1500 иен с души, что считалось минимальной суммой для жизни в этой стране.

Исключение из этого правила делалось для тех лиц, у которых имелся поручитель, признанный японскими властями способным поддерживать эмигранта материально.³ В большинстве же случаев российским беженцам, практически лишенным средств к существованию, трудно было найти обеспеченных поручителей, которых могли бы признать эквивалентом “предъявительских денег”. Иначе говоря, “система предъявления денег” стала большим препятствием для малоимущих беженцев-россиян при въезде на территорию Японии.

В то же время ряд других причин затруднял адаптацию эмигрантов в этой стране. Во-первых, “в Японии очень трудно русским найти применение своему труду”.⁴ Во-вторых, рост дороговизны в 1919–1920 гг. препятствовал формированию колонии адаптантов из числа российских беженцев в Японии. Как отмечал один русский эмигрант того времени, “дороговизна растёт, и нужны большие средства, чтобы здесь даже очень скромно существовать”.⁵ По экономическим причинам немало беженцев из России покинули Японию: часть из них направилась во Францию, а большая часть в Китай (Шанхай, Циндао и др.), в Корею (Вонсан),⁶ и даже в страны Южной Америки, где казалось можно легче прожить.⁷

В результате большинство русских, высадившихся в Японии сразу, либо после кратковременного проживания, покинули эту страну.

Несмотря на ограничительные меры японских властей в отношении российских беженцев (в частности, при их въезде в страну) в 20-ые–30-ые годы XX в. на постоянное жительство осталось приблизительно 1000–1500 русских (см. табл. 1).

Невозможность привести точные данные исходит от системы регистрации. В ежегодных статистических отчётах Министерства Внутренних Дел (МВД) Японии регистрировались иностранные граждане (данные на конец каждого года) в зависимости от их гражданской принадлежности или подданства, т. е. не только беженцы, но **все русские**, проживавшие на собственной территории Японской Империи (“*Найти*”).

Особенно ценны данные переписи, проведенной Министерством Внутренних Дел Японии по указанию МИД Японии. По ее результатам на 1 сентября 1926 года на территории Японской Империи проживало 2356 русских **беженцев**. Из них в “Найти” находилось 773 человека, остальные — в подвластных провинциях (“*Гауми*”): в Корею — 128 человек, в Кантонском регионе — 1439 человек и на Тайване — 16 человек.⁸ (Ср. табл. 1)

Как свидетельствует историография вопроса, российские историки сделали немало для изучения проблемы эмиграции россиян в Европу после переворота 1917 г. и гражданской войны. Что же касается восточного направления массовой эмиграции россиян, то в немногочисленных трудах российских историков внимание уделяется лишь эмиграции в Китай через Маньчжурию с перевалочным пунктом в Харбине.

Своеобразными воротами, через которые основные потоки российских эмигрантов устремились в страны Азии и Америки, были многочисленные порты Японии: Симоносэки, Цуруга, Нагасаки, Кобэ, Иокогама. (См. табл. 2)

После февральской революции 1917 г. японские власти исторической действительностью были поставлены перед фактом массового притока русских реэмигрантов из США, возвращавшихся на родину после известных реляций Временного правительства об амнистии.⁹ В связи с этим, в Японию прибывали “социал-анархисты” и другие “политические эмигранты, которые долгие годы ожидали в США благоприятного случая”.¹⁰ Секретный отчёт “Гаи Хи Оцу №767” сообщает, что к концу 1917 г. их было около 10.000 человек, из них в порту Иокогамы высадилось менее 3000.

Порты Симоносэки и Цуруга принимали российских беженцев. Порт Цуруга обеспечивал кратчайшую связь по времени и расстоянию между Россией и собственной территорией Японии: пароход преодолевал расстояние между Владивостоком и Цуруга

Таблица 2. Динамика численности русских мигрантов, высадившихся в Японии. (с января по октябрь каждого года)

Порт высадки (Префектура)	1917 г.	1919 г.	1920 г.
Иокогама (Канагава)	2.839	634	244
Кобэ (Хёго)	414	212	263
Цуруга (Фукуи)	2.332	1.974	1.086
Симоносэки (Ямагути)	1.175	1.014	940
Мозди (Фукуока)	84	44	311
Нагасаки (Нагасаки)	325	276	142
Хакодате (губер. Хоккайдо)	75	16	164
Всего:	7.244	4.170	3.150

Таблица 2 составлена по материалам секретного отчёта “Таисё 9 Нэн Тю-ни окэру Рококудзин-но Досэи” Гаи Хи Оцу №767. от 20 дек. 1920 (АФ МИД Японии в папке “4. 3. 1. 2-6”)

за 36 часов.

Как показывают таблица 2 и нижеследующая таблица 3, пик притока русских в порт Цуруга приходится на 1917–1920 гг. В эти годы мигранты, приезжавшие из Владивостока составляли от 4, 5 до 1, 2 тысячи чел., тогда как в 1921–1922 гг. их число начинает сокращаться до 700–800 чел., а в 1923–1925 гг. колеблется в пределах двух сотен человек. Причина резкого уменьшения численности русских пассажиров, следовавших по маршруту Владивосток—Цуруга после 1920 г., объясняется “прекращением дипломатических отношений между Японией и Россией, а также введением “Системы предъявления денег”.¹¹

Кстати, порт Симоносэки (префектура Ямагути) имел сообщение с портом Пусан в Корее, бывшей в то время японской колонией. Туда бежали русские из Маньчжурии, особенно из Харбина.

Таблица 3. Численность прибывших и отбывающих, имевших российское подданство, по маршруту Владивосток—Цуруга и Цуруга—Владивосток с 1916 по 1925 годы.

Прибывшие из порта Владивостока	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
	1.054	2.273	4.593	1.953	1.232
	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
	732	820	167	35	179
Отбывающие из порта Цуруга	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
	1.297	2.044	2.991	2.268	1.271
	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
	1.152	676	150	84	175

Таблица 3 составлена по материалам секретного отчёта Полиции иностранных дел в префектуре Фукуи в январе 1926 г.¹²

Что же касается пассажиров в портах Кобэ, Модзи, Нагасаки, то докладчик секретного отчёта призывал обратить особое внимание на русских евреев. Хотя их численность была и невелика, японские власти считали, что “они могли сформировать в Японии центр большевистского движения”.¹³

Эвакуация из Владивостока, связанная с ликвидацией правительства Дальневосточной Республики осенью 1922 года, оказалась более массовой. Она велась в двух направлениях — по суше, к китайской границе, и морем. Китайскую границу перешли “более 7000 человек военных и гражданских лиц”.¹⁴ Что же касается беженцев, выехавших морским путем, то состоятельные люди (около 400 человек), способные оплатить дорогу на русских судах, уехали в Шанхай.¹⁵

По сведениям японской прессы того времени крупные государственные чиновники, генералы и высшее офицерство эвакуировались на пассажирских и специальных судах японских сухопутных войск. По прибытии в порты собственно Японии, некоторые из них поехали в Китай (в Дайрен, в Харбин), где уже тогда находилось немало соотечественников, другие — через порт Иокогама во Францию, и Сербию, где в то время находился ген. Врангель.¹⁶

В отличие от этих людей, остальные беженцы, эвакуированные морским путем, оказались в весьма неблагоприятных условиях. Подробные сведения по этому вопросу удалось найти в “Отчёте о спасении русских беженцев”, составленном Отделом внутренних дел генерал-губернаторства Кореи,¹⁷ а также в сообщениях российской эмигрантской¹⁸ и японской печати того времени.

Малоимущие беженцы из числа гражданских, а также военных-офицеров, казаков и солдат бывшей Российской армии прибыли в порт Вонсан в Корею, вынужденные использовать оставшиеся во Владивостоке старые, отслужившие свой срок суда,¹⁹ причем некоторые из них загружались сверх нормы (в 39, 56 раз, даже в 149 раз),²⁰ “они могли перевести только до ближайшего к Владивостоку порта Вонсан, ибо были непригодны для дальнего морского маршрута”.²¹

Согласно сведениям японской прессы того времени, эвакуация беженцев в Вонсан объяснялась тем, что они получили во Владивостоке согласие на этот маршрут от японского полковника Андо.²²

По данным “Отчёта” на 1 ноября 1922 г. в порте Вонсан на 26 российских

Гражданские беженцы	2263	30%
в том числе: мужчины	668	
женщины	793	
дети	802	
Военные	2830	38%
Члены экипажей военных кораблей	1221	16%
Семьи членов экипажей военных кораблей	342	5%
в том числе: мужчины	5	
женщины	208	
дети	129	
Кадеты	307	4%
Раненные и больные	541	7%
Всего.....	7504	

кораблях находились 7504 русских беженца.²³

Генерал-губернатор Кореи, находившийся под протекторатом Японии, испугавшись столь бурного наплыва беженцев, поначалу не разрешал высадить их на корейскую землю. Своим подчиненным он дал такую директиву:

“Мы не принимаем слишком деятельного участия в этом деле, и, скорее всего, высылая этих беженцев за границу, заставим их отправиться домой — во Владивосток или Забайкалье”.²⁴

— Такова была неизменная, до конца принципиальная позиция Корейской губернии по отношению к российским беженцам из Владивостока.

“Отчёт о спасении русских беженцев” сообщает, что вскоре после эвакуации в порт Вонсан 1650 русских, которые имели достаточно средств на путевые расходы, а также паспорта или справки вместо паспортов, решили возвратиться на родину через Китай. Но китайское правительство отказало в визах на въезд. Оно не пропустило белых эмигрантов на китайскую территорию из-за того, что Китай решил занять нейтральную позицию по этому вопросу. В итоге безопасный маршрут российским беженцам был заказан, и в связи с этим, отправление их домой приостановилось.

21 ноября 1922 г. 1970 человек: военные моряки во главе со Старковым, их семьи, и кадеты направились в Манилу на Филиппины.²⁵ В Вонсане остались 5572 российских беженца на 5 кораблях. Больше половины из них — военные (3085 человек). Они были разделены на две группы: Дальневосточную группу казаков (2/3 всех военных) во главе с генерал-лейтенантом Ф. Глебовым и Урало-Егерский отряд, находившийся под высшим командованием ген. Лебедева.²⁶ Остальные — гражданские беженцы (2487 человек).

Некоторые беженцы собирались возвратиться на родину, но учитывая опасность зимнего путешествия с детьми, больными и ранеными было решено ждать до весны.

Только в начале декабря 1922 года все гражданские беженцы были поселены в переоборудованный склад таможни Вонсана и в бараки, которые были специально построены для них на деньги общества Красного Креста Кореи. Христианские и буддийские миссионеры, местные жители, сочувствующие суровой судьбе беженцев также вносили пожертвования. Вместе с тем, по инициативе местных буддийских миссионеров открылась школа для детей беженцев. “Итак, в Вонсан сформировался маленький мир, напоминавший российским беженцам их родину”.²⁷ Несмотря на это, среди беженцев были покушения на самоубийство, царили пессимистические настроения в отношении будущего.

В такой обстановке японские власти решили дать работу трудоспособным беженцам с целью облегчить бремя расходов правительства. С апреля 1923 года более 2000 беженцев (в основном военных), стали группами выходить на работу: одна группа беженцев занималась прокладкой канализации (1700 человек), вторая проводила железную дорогу (360 человек).²⁸ Но работа не имела успеха: она была не эффективна по сравнению с тем, что делали корейские, китайские рабочие, причем когда работавшие беженцы, узнав о том, что 700 военных во главе с ген. Лебедевым 21 июня 1923 года направились в Шанхай, бежали с места работы.

Исходя из ситуации и получив согласие представителей беженцам, руководство

корейской губернии решило немедленно отправить россиян домой или переселить в другие пункты до наступления зимы, объявив, что деятельность по оказанию помощи беженцев будет прекращена в конце июля 1923 г.

По данным “Отчёта о спасении русских беженцев” к 3 августа почти все русские беженцы выехали из Вонсана, и направились в Маньчжурию по железной дороге. При этом путевые расходы и расходы на питание этих беженцев покрывались пожертвованиями местных жителей и Красным Крестом.

После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке одной из особенностей российской диаспоры в Японии являлось то, что значительная часть ее членов состояла из беженцев-переселенцев, прибывших из Харбина в первой половине 1920-х годов.

Главным образом, это были российские татары, бежавшие в Харбин. Татары, сплоченные мусульманской религией, были членами “Союза мусульман в Харбине”. При поддержке этого Союза его члены направлялись в Японию с целью получения работы, ибо Харбин как административный и торговый центр Маньчжурии, экономическим нервом которого была Китайско-Восточная железная дорога, после падения белогвардейского режима, перешел под юрисдикцию Китая, в связи с чем ухудшились условия жизни и экономическая деятельность проживавших там россиян.

Союз мусульман в Харбине был создан еще в 1904 году. Причем представителем этого Союза был хозяин “Компании Агишева” — одной из самых крупных торговых компаний в Харбине — занимавшейся торговлей тканями и различными товарами. Нанимая татар-“союзников” продавцами, он выдавал свидетельства поручителя (эквивалент 1500 иенам, необходимым для въезда в Японию).²⁹ Таким образом, немало российских татар имело возможность попасть в Японию: из Харбина через Корею в порт Симоносэки.

К началу 1922 года свидетельства, выпущенные от имени Агишева были так широко распространены, что не только российские татары, но и русские считали, что такое свидетельство является “пропуском” для въезда в Японию.³⁰ В результате, серьезно оценив ситуацию, японские власти решили более строго относиться к тем россиянам, которые вместо денег использовали свидетельства. Начальником Бюро Полицейской Охраны была издана директива, по которой префекту Ямагути запрещалось пропускать таких людей в Японию.³¹ Но в последующие годы из Харбина всё-таки продолжало прибывать немало российских татар без назначенных денег. Начальник Бюро Полицейской Охраны, учитывая это, предписал всем префектам быть особенно осторожными с прибывающими из Харбина татарами-мелкими торговцами.³²

Кроме российских татар также переселились в Японию русские, жившие в Харбине. По словам дочери белого эмигранта, в начале 1925 года русские, проживавшие в Харбине, узнали, что правила въезда в Японию смягчены. Хотя проблема “системы предъявления денег” была для них препятствием, в конце сентября 1925 года семья ее отца успешно прибыла в г. Симоносэки. Оттуда они переехали в город Асахикава на о. Хоккайдо вместе приблизительно с 20 семьями белоэмигрантов, которые находились в том же положении.³³

Таким образом, русские беженцы (за исключением транзитных), особенно беженцы периода после гражданской войны на Дальнем Востоке, прибывали в Японию, главным образом, через Владивосток и Маньчжурию, а не прямо из родных городов

России. Об этом также свидетельствуют данные Нансеновских паспортов, выпущенных японской полицией для русских беженцев, выезжавших в 1924–1925 гг. из Японии в другие страны. По этим данным, прежний адрес 32% российских беженцев — Маньчжурия (в т. ч. 28% — Харбин, 3% — Хайлар), и 8% — Владивосток.³⁴

Учитывая вышеизложенное и апеллируя к воспоминаниям российских беженцев,³⁵ ситуация обстояла следующим образом. После переворота 1917 года люди стали бежать в восточном направлении, которое тогда еще было свободно от большевиков. В начале 20-го года, когда Колчаковская армия потерпела полное поражение в Чите, эти и новые беженцы направились далее: одни — во Владивосток, другие — в Харбин и т. д. в поисках удобного случая для возвращения на родину, но против ожиданий, сфера большевистского влияния распространилась до самой восточной окраины России, вынуждая направляться еще дальше — через море в Корею, в Японию.

Таким образом, эмиграция российских беженцев в Японию представляет собой

Таблица 4. Расселение русских по отдельным префектурам Японии.
(1916–1932 гг.)

Год	Губерния Хоккайдо (в том числе г. Хакодате*1)	Г. Токио	Префектура Канагава (в том числе г. Иокогама*2)	Префектура Хёго (в том числе г. Кобэ*3)
1916	26 (11)	44	47 (47)	100
1917	28 (12)	85	172 (166)	115
1918	47 (41)	80	364 (338)	101
1919	49 (25)	141	576 (503)	239
1920	88 (67)	198	663 (660)	175
1921	— (63)	—	—	—
1922	135 (75)	138	358	105 (96)
1923	108 (99)	90	2	235 (192)
1924	160 (80)	272	14	223 (201)
1925	233 (93)	329	46	393 (346)
1926	— (106)	—	—	— (342)
1927	197 (100)	376	87	433 (384)
1928	192 (106)	400	89	455 (404)
1929	182 (105)	418	114	491 (412)
1930	187 (116)	533	120	496 (412)
1931	164 (99)	491	135	410 (213)
1932	100 (83)	325	84	350 (361)

Общие данные о численности русских по префектурам взяты из статотчетов по данным «Состав населения Японии в зависимости от гражданской принадлежности лиц». В сб. Наимусё Токэй Хококу, тт. 32–46 (Токио, 1990–1991).

*1)Хакодате Сиси. Токэй Сирё Хэн [История города Хакодате. Часть статистических исторических материалов] (Хакодате, 1987).

*2)Ёкохама Си Токэй Сё [18–20-ые статотчеты города Иокогама, выпущенные в 1921, 1922, 1925 гг.] Сост. муниципалитетом Иокогама. 1921, 1922, 1925 гг.

*3)Данные взяты из источника, назвать который автор не считает возможным.

долгий и постепенный процесс движения на Восток, зависевший, в первую очередь, от хода военных действий Белой Армии.

Теперь остановимся на вопросе о месте проживания русских беженцев и эмигрантов в Японии.

Вышеуказанная таблица 4 показывает расселение русских по отдельным префектурам Японии. Судя по этой таблице, большинство русских проживало в городах Хакодатэ, Токио, Иокогама и Кобэ.

Обращает на себя внимание тот факт, что на протяжении двух десятилетий происходили определенные перемещения (внутренняя миграция) выходцев из России. Так, в 1917 году удельный вес четырех учтенных районов в общей совокупности составлял свыше 80%; при этом в Иокогаме проживало 38% россиян, в префектуре Хёго — 26%, в Токио менее 1/5; в 1920 г. в названных центрах концентрируется около 90% общей совокупности; лидерство среди четырех городов удерживает Иокогама. Но в 1925 г. это лидерство переходит к Кобэ, за ним подтягивается Токио, увеличивается втрое “весомость” Хоккайдо (с 7% до 20%), тогда как роль Иокогамы намного падает. В начале 30-х годов вперед “вырывается” Токио (32%), с ним конкурирует Кобэ (25%), два остальных идут ровно (по 7% у каждого).

Общая картина расселения русской диаспоры в Японии 20-х — 30-х гг. демонстрирует определенную, хотя и относительную устойчивость. Отмеченное перемещение происходит в пределах все тех же четырех основных центров, хотя с течением времени районы их проживания расширяются: если в 1920 г. менее 10% проживало вне названных четырех центров, то в 1930 г. почти 30% уже вышли за их пределы.

Возникает вопрос, почему именно названные четыре центра расселения устойчиво сохраняются как пункты концентрации российских эмигрантов?

Общий характер вышеназванных городов, кроме Токио, определяется тем, что в этих трех городах находились иностранные колонии, которые возникли еще в середине 50-х годов XIX века.

В начале 1920-х гг. в городе Иокогама, расположенном в 30 километрах к югу от столицы Токио, формировалась самая большая русская колония в Японии. В 1920–1922 гг. здесь было сосредоточено свыше половины русского населения этой страны (500–600 человек). Однако в сентябре 1923 г. во время “Канто Даисинсаи” [Великого Кантоновского землетрясения] в районах Токио–Иокогама пострадало 3, 4 миллиона жителей, около 100.000 — погибли. Эта трагедия отразилась и на судьбе русской общины в Иокогаме.

Таблица 4 свидетельствует, что после 1923 года где-то в среднем 1/4 русских в Японии сосредоточилась в Кобэ. По сообщению Харбинской эмигрантской газеты того времени, “японскими властями решено всех иностранцев выселить в Кобэ”,³⁶ так как “японцы считают этот пункт наиболее удобным для устройства европейцев, в виду возможности дальнейшего их расселения тем более, что в Кобэ сильна и европейская колония”.³⁷ Во второй половине 1920-х — в начале 1930-х гг. в этом городе была вторая по величине после Токийской русская диаспора.

Самая северная колония русских эмигрантов в рассматриваемый период находилась в г. Хакодатэ. Город имеет сравнительно давние исторические отношения с Россией. Еще 1858 году здесь впервые в истории Японии было открыто Российское

консульство. В первые годы миссионерской жизни Архиепископа Николая (в миру Ивана Дмитриевича Касаткина) Хакодате стал исходным пунктом распространения православия в Японии. Кстати, в городе находится кладбище иностранцев, где в настоящее время сохранилось 27 могил русских из Царской России.³⁸

Кроме того нужно отметить, что уже в 1910–1912 гг. в пригороде Хакодате появилась группа религиозных эмигрантов-старообрядцев с Российского Дальнего Востока. По сведениям местной администрации в 1917 году, к этому времени в регионе Хакодате жили 7 русских (3 мужчин и 4 женщины).³⁹

Таким образом, в период 1917–1922 гг. формировалась русская диаспора в Японии, и именно за эти годы общая ее численность выросла примерно в три раза. Главными историческими событиями, с которыми связаны и численность, и состав российских беженцев в эти годы, были: поражение колчаковской армии и падение колчаковского режима, образование Дальневосточной Республики как буферного государства, установление советской власти на Дальнем Востоке России и эвакуация военных частей Японии с этой территории.

Этими событиями и определялся состав российских эмигрантов, значительная часть которых была представлена воинскими чинами колчаковской армии, а также семёновцами и меркуловцами. Помимо военных, в числе эмигрантов были члены Омского белого правительства, члены и чиновники прекратившей существование ДВР, а также гражданское население, бежавшее от советского режима.

В то же самое время в основном сформировалась российская диаспора в Японии в том ее составе и численности, которые сохранялись на протяжении 20-х — 30-х годов настоящего века.

Примечания

- 1 Архивный фонд в Кабинете исторических дипломатических документов, принадлежащих МИД Японии (далее АФ МИД Японии). В папке “4. 3. 1. 2-6: Ё Сисацу Гаикокудзин-но Кёдоу Канкэи Дзассан.” “Таисё 9-нэн Тю-ни окэру Рококу Дзин-но Досэи.” Гаи Хи Оцу № 767 (20 дек. 1920).
- 2 “Росиа Хомэн-ёри Тораи суру Гаикоку Дзин Торисимариката-ни кансуру Кэн.” Наимусё Хи № 391 (17 фев. 1920). *Гаидзи Кэисацу Канкэи Реики Сю* [Сборник примерных уставов Полиции иностранных дел.](Токио, 1931), стр. 172–173.
- 3 Наимусё Хи № 391 (17 фев. 1920).
- 4 “Положение русских беженцев.” Газ. *Дело России* (Токио) (№ 3, 31 марта 1920).
- 5 Там же.
- 6 Гаи Хи Оцу №767 (20 дек. 1920).
- 7 “Положение русских беженцев.”
- 8 АФ МИД Японии. В папке “3. 9. 5. 25: Рококу Хинанмин-ни таисуру Мимото Сёмэйсё Хаккю-но Кэн.” “Хинанмин-ни кансуру Токэи Сёго-ни кансуру Кэн.” Кэйхокёку Гаи Хацу Оцу №420 (27 дек. 1926).
- 9 См. статью “Версия Дмитрия Абрикосова, или о японской интриге предрешившей исход гражданской войны в Сибири.” *Известия* (14 янв. 1995).

- 10 “7—3. Заирю Гаикоудзин Гаикё.” Кэихокёку [Общее положение иностранцев в Японии. Сост. Бюро Полицейской Охраны Японии](Декабрь 1921). *Токко Кэисацу Канкэи Сирё Сюсэи* [Сборник документов о Специально-Высшей Полиции Японии], т. 15 (Токио, 1992), стр. 78.
- 11 “7—7. Гаидзи Кэисацу Гаикё” [Общее положение Полиции иностранных дел]. Сост. префектурой Фукуи в янв. 1926. *Токко Кэисацу...*, т. 15, стр. 190.
- 12 “7—7. Гаидзи Кэисацу Гаикё”, стр. 190-191.
- 13 Гаи Хи Оцу №767 (20 дек. 1920).
- 14 Петров, В., “Русский Шанхай”. *Проблемы Дальнего Востока*, 1991, № 4, стр. 211.
- 15 Там же, стр. 212.
- 16 Газ. *Осака Маинити* [Осакская ежедневная газета](25, 28 окт. 1922).
- 17 *Рококу Хинанмин Кюго Си*. Чёсэн Сотокуфу Наиму Кёку (Сеул, 1924).
- 18 Газ. *Свет* (Харбин) и др.
- 19 Петров, В., “Русский Шанхай”, стр. 212.
- 20 *Рококу Хинанмин...*, стр. 8-9.
- 21 Петров, В., “Русский Шанхай”, стр. 212.
- 22 Газ. *Иомиури* (25 окт. 1922) и *Токё Нити Нити Синбун* (26 окт. 1922).
- 23 *Рококу Хинанмин...*, стр. 7.
- 24 Там же, стр. 14.
- 25 См. Сэки, Эидзи, *Харуканару Сококу. Росиа Нанмин-то Футари-но Тэитоку* [Далекая Родина. Российские беженцы и два адмирала] (Токио, 1996).
- 26 *Рококу Хинанмин...*, стр. 16.
- 27 Там же, стр. 107.
- 28 Там же, стр. 108-109.
- 29 АФ МИД Японии. В папке “3. 9. 4. 110-5-2” “Ёфукудзи Гёсё Рококудзин Тораи-ни кансуру Кэн” Коу № 1073 (3 фев. 1922); Коу № 1601 (18 февраля 1922).
- 30 “Ёфукудзи Гёсё Рококудзин Тораи-ни кансуру Кэн” от префекта Ямагути. Коу №1073 (3 фев. 1922). *Гаидзи Кэисацу Рэики Сю*, стр. 175-176.
- 31 “Ёфукудзи Гёсё Рококудзин торисимари-ни кансуру Кэн” от начальника Бюро Полицейской Охраны. Кэихо Кёку Гаи Хацу № 36 (16 фев. 1922). *Гаидзи Кэисацу...*, стр. 176-177.
- 32 “Рася Гёсё Рококудзин-но торисимари-ни кансуру Кэн” Кэихокёку Гаи Хацу Коу № 176 (10 нояб. 1924). *Гаидзи Кэисацу...*, стр. 177.
- 33 Старухина, Наташа, *Хаккю-ни Эикоу -то Юмэ-о носэтэ . Вага Тити В. Старухин Моногатари* [История моего отца В. Старухина](Токио, 1979), стр. 128-134.
- 34 АФ МИД Японии. В папке “3. 9. 5. 25”.
- 35 См. Серебрянников, И.И., *Мои воспоминания*, т. 2. *В эмиграции (1920-1924)* (Тяньцзинь, 1940) и др.
- 36 “Положение русских в Японии”. Газ. *Русский голос*, № 920 (12 сент. 1923).
- 37 Там же.
- 38 Баба, Осаму, *Хакодатэ Гаидзин Боти* [Кладбище иностранцев в г.

Хакодатэ] (Хакодатэ, 1975), стр. 79–80.

- 39 См. Накамура, Ёсикадзу, “Дзэникамэдзава-ни Ютопия-о мотомэта Росиадзин Тати” [Русские, погнавшиеся за утопией в Дзэникамэдзава], Жур. *Тиикиси Кэнкюу Хакодатэ* [*Страноведческая история Хакодатэ*], 1993, № 17, стр. 1–25.